

Пётр Козьмич Фролов: знакомый незнакомец

текст Павел АФАНАСЬЕВ

2025 год объявлен в Алтайском крае годом Петра Козьмича Фролова в связи с 250-летием этого талантливого деятеля горнозаводской эпохи, изобретателя-новатора, администратора-хозяйственника и руководителя региона

Любой юбилей — это не только сигнал к восхвалению виновника торжества, но и повод задуматься о том, насколько полны наши представления о биографии и роли юбиляра в контексте его эпохи.

Под сенью четвертьтысячелетней даты можно в очередной раз представить широкой читательской аудитории краткий обзор биографии Петра Козьмича Фролова. При наличии довольно полных биографических книг о нем, написанных краеведом Николаем Яковлевичем Савельевым и историком науки и техники Виктором Семёновичем Виргинским, любая подобная попытка лишь пополнит перечень уже имеющихся публикаций о герое, став пересказом классиков. Не лучше ли задаться вопросом: а так ли хорошо знаком нам Пётр Козьмич Фролов, как это кажется на первый взгляд? Актуальны ли его биографии, созданные более полувека назад, особенно на фоне активного изучения региональной истории в последние десятилетия? Или же Фролов перешел в разряд легенды, где важнее образ и память, а не развенчанные старые и вновь открытые факты его биографии?

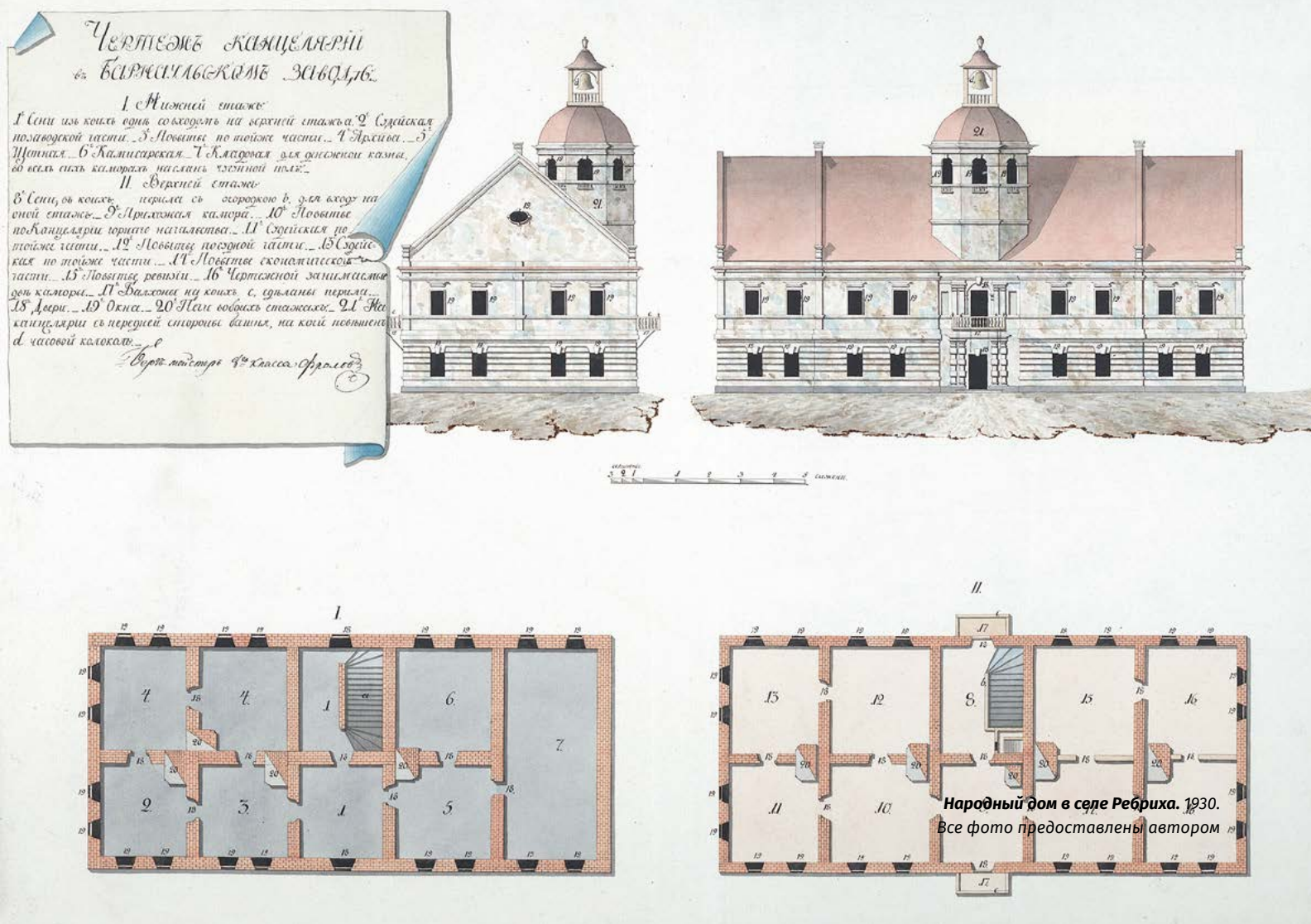
Вопросы начинаются с даты рождения Петра Козьмича. С начала XX века во всех изданиях указывается число — 16 января по старому стилю. Однако дата рождения Фролова традиционно приводится со ссылкой на справочное издание 1913 года о кладбищах

Герб Петра Фролова.
Отдел рукописей Российской
национальной библиотеки.

Рисунок герба Петра Фролова в черно-белом и цветном вариантах встречается лишь на нескольких рукописях из собрания Петра Фролова. Также герб использовался на личной печати Фролова. Отсутствие сведений об официальном утверждении герба позволяет считать его самопринятым

Санкт-Петербурга. Даты жизни Петра Фролова вписаны в эту книгу с надгробия. Дата смерти — 10 декабря — подтверждается газетами 1839 года. Но до сих пор в публикациях историков нет ссылки на документ, однозначно указывающий дату рождения Петра Фролова. Казалось бы, в архивах сохранился не один формулярный список о его службе, в которых фиксировались все этапы жизненного пути. Но до 1830 годов в этих документах было принято указывать лишь полное число лет на момент составления формуляра. В результате с учетом месяца составления

источником факт записи Петра его отцом в штатную заводскую команду в возрасте шести лет. Но что стояло за этим фактом? Сын механика Козьмы Дмитриевича Фролова вряд ли был в числе детей мастеровых-«малолетов», занятых в разборе руд, поднимаемых на поверхность из рудника. Краевед Алексей Дмитриевич Сергеев, собирая материалы об отце и сыне Фроловых, обратил внимание на то, что записи Петра в штат была сделана, что называется, «от руки»: в уже подготовленный документ буквально между строк был вписан маленький Пётр. Почему так произошло? В данном случае необходимо учитывать тогдашнее тщательное отношение руководства предприятий

документа и сроков его движения по бюрократическим каналам обратный отсчет указанного полного числа лет героя может сместить год рождения в 1774-й. Архивные исследования родоведов-генеологов пока также не дали однозначной ссылки на подтверждающий документ, близкий по времени создания к рождению Петра Козьмича. Не исключено, что 250-летие нашего героя может преподнести неожиданное открытие.

Начиная с книги Николая Яковлевича Савельева, прочно закрепился подтвержденный

Чертеж здания Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Барнауле. 1801.

РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 841. Л. 16.

Лист входит в состав серии заводских чертежей 1801 года, созданной при участии и под руководством Петра Фролова. Являясь местом размещения главного органа управления Колывано-Воскресенскими заводами и рудниками, здание является одним из единичных памятников, напрямую связанных с деятельностью Петра Фролова. Здание сохранилось до наших дней, современный адрес — улица Ползунова, 41

к немногочисленному штату служащих рудников и заводов разного уровня.

Не исключено, что здесь мы имеем свидетельство счастливого случая. В 1781 году Колывано-Воскресенскими предприятиями управлял новый главный командир Борис Иванович Меллер. Поставленный восстановить пришедшее в упадок производство, он покровительственно отнесся к изобретательской деятельности Козьмы Дмитриевича Фролова. Последний как раз в начале 1780 годов создал свою знаменитую гидросиловую систему для Змеиногорского рудника, позволявшую углубить его разработку. Допустим, что до утверждения проекта в столице полуофициальным поощрением стало разрешение главного командира изобретателю записать сыновей в штатную команду для постепенного роста в званиях по мере взросления.

Вскоре Козьме Дмитриевичу было позволено определить сыновей Павла и Петра в Горное училище в Санкт-Петербурге. Уникальность недавно созданного профессионального учебного заведения, его ограниченный контингент учащихся, общее состояние

системы образования в отдаленной Колывано-Воскресенской провинции позволяют предположить, что право устроить сразу двух сыновей в Горное училище, подведомственное тогда, как и заводы, Кабинету Его Величества, также могло быть своеобразной привилегией Фролову-отцу со стороны начальства. Определяя истоки профессионального обучения Петра Козьмича, следует под увеличительным стеклом изучать служебные отношения, сложившиеся на Колывано-Воскресенских предприятиях в начале 1780 годов и роль в них покровительственного отношения к ярким изобретательским талантам.

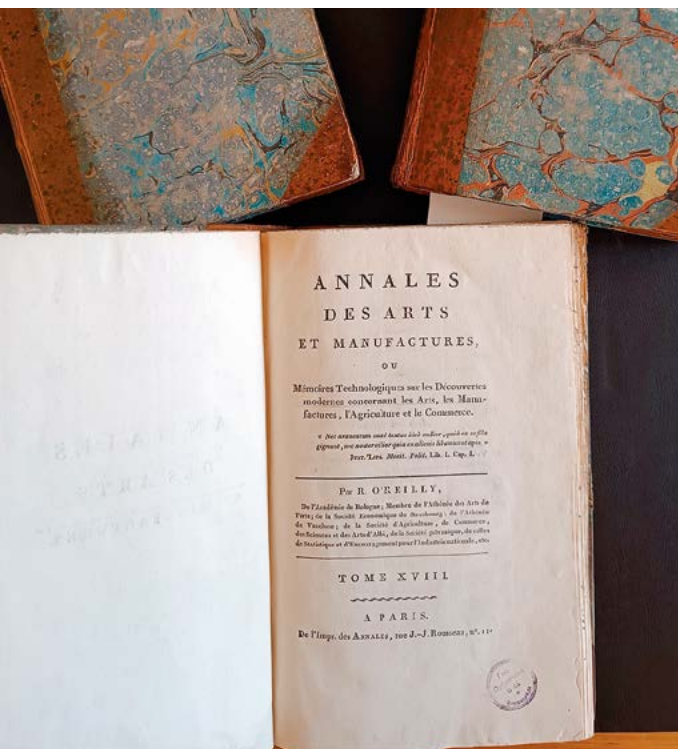
Период обучения подрастающего Петра Фролова в петербургском Горном училище в 1786–1793 годах за неимением сведений, как правило, подменяется рассказом об учебном заведении. Собирая материалы о Петре Фролове, любопытную выписку из документов сделал академик Виктор Данилевский. По сведениям училища, колывано-воскресенские выпускники 1793 года, в числе которых был Пётр Фролов, «при экзамене оказали довольноное знание в оных [предметах. — П. А.], в каких же более себя усовершенствовали по делам не видно». Выпускник, видимо, еще не являл яркого выдающегося таланта. Или равно талантлив был во всем?

Вернувшись на службу в родной регион, Пётр Фролов все же выделялся из состава штатной команды горных офицеров. Он был одним из немногих, кто имел профессиональное образование, а не только опыт практической подготовки, полученный в процессе служебного продвижения. К тому же не могли пройти бесследно годы, проведенные вдали от многочисленной семьи, но пропитавшие юношу столичной атмосферой жажды просвещения. Даже если столичный выпускник имел «дум высокое стремление», его рутинные обязанности в течение первых пяти лет службы на рудничных должностях, пусть

Фрагмент карты проектируемых путей сообщения между рудниками и заводами. 1807.
Ф. 50. Оп. 10. Д. 283.

Карта представляет пример высокохудожественного исполнения, характерного для Петра Фролова как чертежника и рисовальщика. Сохранилось несколько подобных карт, созданных при участии Петра Фролова в ходе изучения возможных коммуникаций в Колывано-Воскресенском ведомстве

Французские журналы
«Annales des arts et manufactures». 1804.
 Российская национальная библиотека.

В томе XVIII за июль 1804 года помещена статья, послужившая, по словам Петра Фролова, источником идеи для создания чужуно-рельсовой дороги между Змеиногорским рудником и Змеевским заводом

и под руководством отца, вряд ли давали повод для проявления творческих задатков. Поэтому первым действительно самостоятельным делом молодого специалиста стало его командирование в 1798–1800 годах в составе группы лиц на Нерчинские заводы в Восточное Забайкалье для изучения поставок свинца, необходимого для выплавки серебра на Колывано-Воскресенских заводах.

Впечатляет перечень отчетов, созданных Петром Фроловым и предоставленных столичному руководству: семь подробных описаний всех операций по доставке свинца сплавом по рекам, около 150 карт водных путей перевозки, а также выполненные самим Фроловым видовые рисунки мест, флоры и фауны. Исключительны были последовавшие награды участникам экспедиции. Так, Пётр Фролов только за 1801 год был трижды повышен в чине, на что при обычном порядке выслуги могло уйти не менее десяти лет. С двумя другими участниками Фролов был удостоен пожизненной ежегодной пенсии в размере жалованья — уникальная награда, учитывая, что регулярное пенсионное обеспечение для отставных служащих Колывано-Воскресенских предприятий находилось на этапе становления. Но самым впечатляющим стало пожалование Петру Фролову

императором Александром I украшенного бриллиантами перстня — знака высочайшего внимания к результатам нерчинской поездки. Для сравнения заметим, что весной 1801 года перстень от императора получил Николай Михайлович Карамзин за приветственные оды новому императору.

Разве это не звездный час для 26-летнего Петра Фролова? Однако в исследовательской традиции данные факты находятся в тени, видимо, из-за нашего недоумения: как такой шквал милостей мог последовать не за какое-то выдающееся изобретение научно-технического характера, а за экспедицию внутри страны с транспортно-производственными целями?

Похоже обстоит дело и со следующим крупным предприятием Петра Фролова — изучением и организацией в 1804 году сплава руд по реке Иртыш. Удаленность Колывано-Воскресенских рудников от заводов еще в XVIII веке обозначила проблему зависимости производства серебра от поставок сырья. Иртышский опытный сплав, завершившись удачно, позволял облегчить доставку руды с самых отдаленных рудников Бухтарминского края, минуя горное бездорожье. Неудивительно, что императорский Кабинет оценил финансовую пользу транспортного нововведения, принятого в постоянное действие. При докладе результатов императору в сентябре 1805 года по его воле в один день Пётр Фролов был пожалован в кавалеры ордена Святого Владимира четвертой степени. Сам Фролов в это время находился в столице вместе с начальником заводов Василием Сергеевичем Чулковым.

Вернувшись обратно, с 1806 по 1809 год Пётр Фролов занят сразу несколькими проектами: изучением возможностей сплава руд по рекам Алей и Чарыш, приведением в порядок казенной библиотеки. Но главным делом стало руководство строительством чужуно-рельсовой дороги в Змеиногорске. Прославившее Фролова изобретение до сих пор вызывает много вопросов. Сам Пётр Козьмич в итоговом отчете о строительстве честно указал источник идеи — французский журнал с описанием английской рельсовой дороги на конной тяге (кстати, в первое десятилетие построенную дорогу в документах называли «аглинской»). С этим журналом он, вероятнее всего, мог познакомиться в бытность в Петербурге в 1805 году. Уже в январе 1806-го он подает рапорт начальнику заводов Чулкову и весной получает одобрение столичного руководства императорского Кабинета. Летом начинаются строительные работы.

Случай исключительный! От возникновения идеи до начала ее реализации прошло немногим более полугода — просто молниеносно для новаторских проектов в то время. Вряд ли подобное могло произойти без наличия у Петра Фролова покровителя среди управленцев. Очевидно, протекцию оказал начальник заводов Василий Чулков. Ознакомиться с идеей Фролова он мог, будучи с ним в Петербурге и в обратной дороге. Их взаимоотношения дополняли родственные узы, Фролов женился на падчерице Чулкова, Марии Ивановне. Отношения начальника и подчиненного явно не ограничивались служебным временем, даже в рамках которого Пётр Козьмич обращался к Чулкову в письмах со словами «Любезный батюшко». Не преувеличивая роль подобного патроната, отметим, что и после смерти Василия Сергеевича Чулкова в 1807 году исполняющий обязанности начальника Карл Крестьянович Бэр не ослабил внимательной заботы к деятельности Петра Фролова. Дело, видимо, не только в том, что Бэр был соратником Чулкова, но и в некоем исключительном

положении, в котором по своим делам прочно зарекомендовал себя Пётр Фролов.

Академик Виктор Данилевский, первый исследователь чугуно-рельсовой дороги Фролова, задавался справедливым вопросом: как оказалось возможным ее создание без каких-либо рабочих и проектных чертежей или рисунков. Действительно, ничего подобного не только не сохранилось, но, вероятно, и не было. Обращение к мелким подробностям строительства (о которых обычно не принято писать) показывает, что трудности и проблемы были регулярными спутниками во всех строительных сезонах, а постоянные починки и поправки к окончанию строительства уже никого не удивляли. Результатом стало превышение первоначальной сметы строительства дороги и сомнение в ее окупаемости. Эмоционально-критические комментарии об этом оставил в подготовительных заметках о Фролове краевед Алексей Сергеев. Стоит ли удивляться весьма сдержанной оценке неясной экономической выгоды дороги, данной следующим начальником заводов Иваном Элерсом? Интересно, что позже, уже сам возглавив заводы, Пётр Фролов будет ставить себе в заслугу экономию казенных средств.

Наше восторженное восприятие чугуно-рельсовой дороги Фролова на конной тяге как первого в России подобного технико-инженерного новаторства оправдано в первую очередь в контексте длительной истории развития отечественной техники. Но как тогда объяснить несоразмерность наград за предыдущие его достижения с одной лишь благодарностью, высказанной императорским Кабинетом за сооружение дороги? Универсальное объяснение о непризнании и гонении талантов явно не подходит в случае с Петром Фроловым, постоянно находившемся на заметных позициях. Не исключено, что алтайский опыт был яркой, но тупиковой ветвью развития рельсовых путей, о котором даже не вспомнили при проектировании железных дорог в России в 1830–1840 годы.

Рассматривая параметры дороги, в том числе ее небольшую длину (1867 метров), не всегда вспоминают посыл, ставший причиной ее сооружения: проверить ее действие как опытного образца для возможности дальнейшего строительства подобных путей в масштабах Колывано-Воскресенского региона. Годовое высвобождение 25 лошадей при повсеместной конной тяге и труда около 300 приписных крестьян при их общей численности около 80 тысяч с точки зрения горнозаводской экономики в регионе, конечно, были несопоставимы с эффектом предыдущих нововведений Петра Фролова. Интересна реакция самого создателя дороги. Став начальником заводов в 1817 году, он не проявлял интереса к починке дороги, расширению ее опыта на другие производственные объекты. Посетивший в 1820 году Змеиногорск сибирский генерал-губернатор Михаил Сперанский в своих впечатлениях в ряду других

поразивших его производственных особенностей рудника, рассказанных сопровождавшим его Фроловым, вовсе не упоминает дорогу. Выходит, изобретатель уже охладил к своему детищу, когда получил возможность властью начальника поддерживать свой же проект. Техническая новинка не сумела выйти за рамки интересного, но все же опытного образца.

Петербургский период деятельности Петра Фролова, охватывающий 1811–1816 годы, обычно мало привлекает внимание исследователей. Иногда в его удалении из региона через повышение по службе усматривают происки начальника Элерса. Скорее, дело было не только в этом, поскольку в Департаменте горных и соляных дел Фролов был назначен заведующим чертежной — делом, в котором он очень хорошо разбирался. К тому же, «ссылка в столицу» не стала для Фролова периодом служебной рутины и забвения. Наоборот, с первых месяцев службы он привлекался к сложным поручениям, требовавшим длительных отлучек из Петербурга. Изучение способов улучшения солевозных путей на Волге, выведение соляного завода из кризиса, расследование волнений на частном горном заводе и другие поручения требовали от Петра Козьмича колоссального напряжения по изучению вала документов, слаженной коллективной работы с членами разных временных комиссий, подготовки обширных итоговых рекомендаций и рациональных предложений.

Когда в 1818 году возникла необходимость отправки на Урал ответственного чиновника для проверки слухов о беспорядках в управлении, у руководства горного ведомства России почти не было сомнений, что достойно выполнить эту миссию сможет Пётр Фролов. Что это, как ни авторитет, нарабатанный в петербургский период, «чиновника отлично усердного и сведущего»? Николай Савельев критично оценил петербургский период жизни Фролова, когда «способного и прекрасно знающего производство инженера превратили в государственного ревизора». Но с другой стороны, эти труды открыли и ограничили у Петра Фролова задатки умелого администратора, находящего изящные решения в сложных производственно-управленческих ситуациях.

В подобном положении к 1817 году оказались родные Фролову Колывано-Воскресенские предприятия. Начальник заводов Иван Элерс довел их, по мнению руководства Кабинета, до состояния, «в каком они прежде не были». Снабженный от Кабинета «Ордером» с четкими предписаниями, новый начальник Колывано-Воскресенских заводов Пётр Козьмич Фролов с июня 1817 года вступил в управление ими. Уже к 1820 году заводы работали в равномерном режиме, выплачивая годовую норму серебра, без перенапряжения сил. Стремление к консервации хозяйственного порядка на заводах — так можно назвать вектор деятельности Петра Козьмича Фролова. За 13-летний период управления сложно перечислить имевшиеся технико-технологические новшества, в том числе и потому, что они не изменили кардинально производственный обиход. На общем благополучно-стабильном фоне не было явной динамики. Поэтому неслучайно и, по большому счету, вполне оправдано имеющееся в литературе сдержанно-скептическое отношение к производственным достижениям Фролова-руководителя, высказанное еще его первым биографом. При этом несомненно его талант администратора, отмечаемый большинством знавших его лиц. Нередко забывают, что Фролов-начальник несколько раз подолгу бывал в Петербурге,

Бюст Петра Фролова в Змеиногорске.

Установлен 10 октября 1980 года.

Скульптор Константин Чумичёв (1924–1998).

Первый памятник, установленный Петру Фролову.

Включен в список объектов культурного наследия
регионального значения

и в его отсутствие заводы отнюдь не «сиротели», оставаясь на попечении надежной команды во главе с Яковом Катиным.

Флёр руководителя, успешно решающего сложные управленческие проблемы, оказался для Петра Фролова небезграничным. По административной реформе Михаила Сперанского 1822 года для большей интеграции горнозаводских властей Колывано-Воскресенского ведомства с властями Томской губернии посты начальника заводов и томского губернатора должно было занимать одно лицо. Но добавление губернаторских обязанностей не стяжало дополнительной славы Петру Козьмичу. Вынужденный разрываться между заводским и губернским управлением в пользу первого, он не сумел выйти за его рамки, отчего губернаторство Фролова нельзя назвать заметным. Столичные власти тоже осознали это, отмечая отсутствие губернаторских талантов при успешности руководства производственным регионом.

В коллективной памяти административная деятельность Петра Фролова запечатлелась в образе справедливой эпохи в целом, а не каких-либо конкретных деяний и памятных событий. Уже в конце 1850 годов правдоискатели из Алтайского горного округа в качестве образца контроля над местными чиновниками вспоминали не Фролова и Сперанского, а приезды столичных ревизоров в 1830 годы. Апокрифичная фраза «Не боюсь ни огня, ни меча, боюсь лишь Петра Козьмича» со ссылкой на старожилов впервые фиксируется лишь в конце XIX века. Тогда она, в контексте истории развития Алтайских заводов, пожалуй, могла быть мечтой об ушедшем «золотом веке» с его порядком и справедливыми властями, аналогично крестьянской легенде о Беловодье.

В 1830 году Пётр Фролов покинул службу, формально — по собственному желанию. Время Фролова уходило, на смену шли новые управленцы эпохи Николая I, перед Колывано-Воскресенскими предприятиями стояли новые задачи. Уход Фролова в отставку до подачи формального прошения, вероятно, решался в самых высоких кулуарах власти. Возможно, что и сам Пётр Козьмич понимал необходимость удаления от службы. Неслучайно, его прошение об отставке напоминает краткий отчет о деятельности, в котором он с неясной горечью напоминает о сумме прибыли, принесенной его деятельностью императорскому Кабинету, — 47 миллионов рублей. Что это как не попытка оправдаться в обстоятельствах, известных лишь тогдашним получателям прошения? Или же это неизбежное тщеславие прежде успешного чиновника, вынужденного уходить в отставку?

Уехав после отставки в столицу, Пётр Фролов лишь в конце 1831 года был пожалован в сенаторы. Этот период не получил достаточного освещения исследователей. Но сохранившееся делопроизводство показывает, что Пётр Козьмич не затерялся в высших эшелонах власти, хотя и был уже на второстепенных ролях. Незнание деталей последних лет жизни ставила лишь вопросы перед его биографом Николаем Савельевым. Ярый почитатель своего героя, краевед отчасти вознаграждал себя за многие белые пятна в его биографии находкой в 1955 году портрета Петра Фролова. История этого открытия, основанная на желании визуализировать героя при очень сомнительном провенансе (история владения — П. А.) живописного произведения, при последующем искусствоведческом анализе вызвала обоснованные сомнения искусствоведов и историков в личности портретируемого. Поэтому даже узнаваемый портретный образ Петра Фролова удивительным образом вписывается в ряд загадок и вопросов его биографии.

В заметках академика Данилевского относительно поиска материалов по «начальственно-губернаторскому» периоду жизни Петра Фролова присутствует красноречивое настойчиво выделенное им указание: «Изготовить копии со всех документов, характеризующих П. К. Фролова как человека, новатора, изобретателя, организатора, коллекционера». Оценивая имеющиеся на сегодня результаты «фролововедения», мы понимаем перспективность и не утраченную актуальность этих слов, написанных в 1950 годы. Выходит, что линия жизни, уже прочерченная с разной степенью толщины, лишь отчасти приближает нас к личности Петра Фролова. В год юбилея как никогда нужно помнить, что благородная патина легендарного образа Фролова не должна прятать от нас живого человека своей эпохи. ■

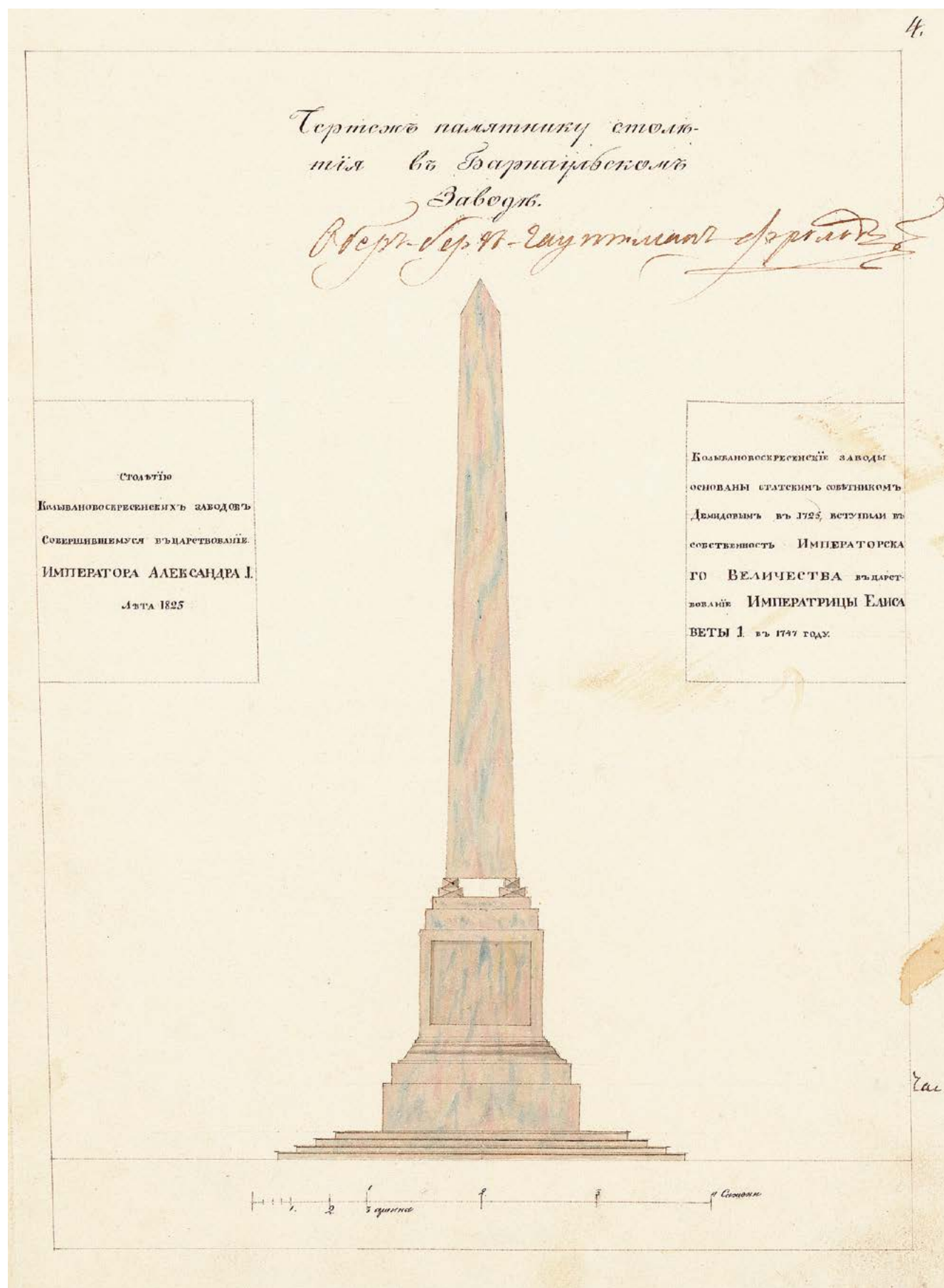

Рисунок памятника 100-летию Колывано-Воскресенских заводов.
 Проект П. К. Фролова. 1825. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 726. Л. 4